

ДИСКУССИИ

КРУГЛЫЙ СТОЛ: К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИММАНУИЛА КАНТА

А.А. Гусейнов

КАНТ НАВСЕГДА

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович – доктор философских наук, академик РАН, врио директора. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: guseynovck@mail.ru

Статья представляет собой выступление в рамках панельной дискуссии о современном значении философии Канта, на которой обсуждались два вопроса: «Почему Кант?» и «Кант: свет и тени». В ней кратко рассказано о возникновении и общем замысле данного обсуждения. Как показало празднование 300-летнего юбилея Канта, а также итоговая конференция, проведенная Институтом философии РАН и четырьмя философскими факультетами (институциями) московских университетов, Кант в нашей стране специалистами и обществом в целом воспринимается как несомненный авторитет и классик философии. Он вошел в нашу культуру как мыслитель, который учит подчиняться разуму и следовать свободному голосу собственной раскрепощенной совести. Такой итог явился результатом длительной работы по рецепции наследия философа, которая проходила особенно интенсивно последние пятьдесят лет. Эта работа достигла нового качества, но не завершена, Кант остается предметом живых современных дискуссий. В статье подчеркнуто, что наше восприятие Канта отмечено сильным этическим креном, что выражается не в том, что его моральное учение преувеличено, а в том, что оно вырвано из всей его философской системы. Поставлен вопрос о том, что акцентирование системной целостности философии Канта является одним из актуальных вызовов, выходящих за узкие рамки кантоведения. Современная философия, рассмотренная в целом, разделилась на части, которые существуют в качестве профессионально обособляющихся самостоятельных наук. Вторая кантовская критика в своем развернутом точном значении является критикой чистого практического разума. И сам Кант в тексте по преимуществу пользуется именно этим полным обозначением. Эта связь двух критик, понимание второй как прямого продолжения и завершения первой слабо акцентируется в общих отечественных очерках философии Канта и практически исчезает в специальных очерках его этики. Оторванный от гносеологического базиса, нравственный закон повисает в воздухе: с одной стороны, теряется связь с ноуменальным миром свободы как его основанием, а с другой стороны, блокируются каналы, соединяющие добрую волю с практической волей эмпирических индивидов.

Тем самым идея примата практического разума, составляющая внутренний нерв философии Канта, лишается реального содержания, а этика неизбежно обрекается на морализирование, которое самому Канту, по сути, совершенно чуждо. При ответе на второй вопрос дискуссии обращено внимание на необходимость дальнейшего исследования того, как соотносятся понятия трансцендентального субъекта и эмпирических субъектов в живом опыте познания и человеческого поведения.

Ключевые слова: Кант, кантоведение, предмет философии, этика и теория познания

Для цитирования: Гусейнов А.А. Кант навсегда // Философский журнал / Philosophy Journal. 2025. Т. 18. № 2. С. 5–14.

Прежде всего, немного истории. Мысль о сегодняшнем круглом столе возникла в ходе подготовки к научной конференции «Кант и философия сегодня». Эта конференция была организована Институтом философии РАН и четырьмя философскими факультетами (институциями) московских университетов – МГУ им. Ломоносова, Исследовательского университета «Высшая школа экономики», Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Российского государственного гуманитарного университета, ее пленарное заседание состоялось в символический третий четверг ноября (21.11.2024), который согласно календарю ЮНЕСКО уже более двадцати лет отмечается в качестве Всемирного дня философии. Общий же замысел заключался в том, чтобы философы, собрав ведущих на сегодняшний день отечественных кантоведов, ответили себе и обществу на два вопроса: а) в чем заключается непреходящее и актуальное по сей день значение Канта, его вклада в мировую сокровищницу знаний, заслуживающее того, чтобы и по прошествии трехсот исключительно динамичных в интеллектуальном отношении лет мы торжественно, заинтересованно и живо отмечали его юбилей; б) какова наша причастность и наше право (наше – имеется в виду российская, отечественная, русская, философия и культура) участвовать в этих торжествах, чувствовать себя причастными к этому вкладу и ответственными за него? Чтобы придать единство конференции и более строго обозначить пространственно-временные параметры (своего рода диспозицию) для ответов на эти вопросы, было решено сопоставить нынешние (трехсотлетние) юбилейные торжества и взгляды на Канта с тем, как проходили аналогичные торжества и оценивались взгляды Канта в нашей же стране 50 лет назад, когда отмечалось его 250-летие. Было также решено по прошествии двух недель собраться в режиме круглого стола в качестве своего рода эпилога намечаемой конференции. Тогда же были обозначены обсуждаемые сегодня краткие вопросы.

Почему Кант?

Не существует точных критериев определения удельного веса отдельных лиц в общем составе всемирной или даже западной философской энциклопедии. Однажды Спиноза заметил, что авторитет Платона, Аристотеля, Сократа его мало интересует в отличие от авторитета Эпикура, Демокрита, Лукреция¹. Тем не менее, говоря о Канте, можно сказать, что он

¹ Спиноза Б. Избранные произведения. Т. II. М., 1957. С. 587.

на сегодняшний день в общепризнанном мнении входит в пятерку любого списка выдающихся философов Запада. Речь идет не только об удельном весе (известности, цитировании и т.д.), но и о качестве отношения к нему: он находится в центре философских споров и интеллектуальных страстей, позитивное отношение к нему (в целом, несомненно, преобладающее) часто, как у его последователей, приобретает характер благоговения, а редкие вспышки отрицательного отношения, как, например, у Ницше, оказываются изничтожающими. Если кратко ответить на вопрос: «Почему Кант? чем он для нас сегодня является?», опираясь на опыт празднования его 300-летнего юбилея, в пространстве которого мы еще остаемся, и на суждения наших признанных специалистов, доклады которых мы недавно прослушали, то можно сказать: он стал для нас безусловной философской величиной, когда уже само имя становится аргументом. Особое почтение русской философии (русской – не в том смысле, что это специфично только для нее, а в смысле тех ее особенностей, в силу которых Кант занял в ней столь высокое место) определяется тем, что, как в своей основательной энциклопедической статье² показал В.С. Соловьев, не поклонник Канта, но первоклассный знаток его творчества, он в своей философии обозначил «главную поворотную точку в истории человеческой мысли». Он задал философии новое – критическое – направление, согласно которому познание мира, мира как он явлен нам, зависит от ума, от «присущих ему форм чувственного созерцания и рассудочных категорий», «он возвел философское мышление на высшую (сравнительно с прежним состоянием) ступень, с которой оно никогда уже не может сойти». Кант шел от науки к философии и саму философию, которая имеет дело с мышлением, поднял на научную высоту, на высшую ступень в иерархии человеческих целей, и он закрепил этот вывод своим открытием, что нравственная воля, практический разум имеет примат перед теоретическим разумом, он дал «этике основание, равное по достоверности аксиомам чистой математики», или, как сказал Л.Н. Толстой, большой поклонник Канта, хотя и не такой его знаток, «наша свобода, определяемая нравственными законами, и есть вещь сама в себе (т.е. сама жизнь)»³.

Словом, Кант нам дорог тем, что учит безусловно подчиняться разуму, сковав свою бешеную натуру железными обручами научной рациональности, и одновременно следовать свободному голосу собственной раскрепощенной совести. В данном случае я ссылаюсь на формулировки и оценки, высказанные в конце XIX в., совсем не случайно, потому что речь идет, во-первых, о суждениях людей – Владимира Сергеевича Соловьева и Льва Николаевича Толстого, которые сами являются несомненными национальными духовными авторитетами, и, во-вторых (это главное), их оценки в данном случае оказались верными, до них наше общество созрело (если созрело) только в наши дни.

Здесь уместно напомнить: мы пришли к тому, к чему пришли, пройдя через марксистское (коммунистическое) чистилище. Кант совершил свой поворот в истории мысли и перестроил всю конструкцию философского здания таким образом, чтобы в нем нашли себе место все ранее существовавшие и считавшиеся несовместимыми между собой течения (партии). В марксистской философии диалектического материализма, для которой

² Соловьев В.С. Кант // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 441–479.

³ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 64. М., 1953. С. 106.

различия основных подходов в гносеологии имели принципиально важное значение, отношение к философии Канта было изначально критическим, прежде всего именно из-за ее дуалистического (объединяющего, синтезирующего, компромиссного) характера. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» сказал, как отрезал, что философия Канта является «половинчатой», и провозгласил необходимость ее критики слева в качестве условия адекватного понимания. Ленинский критерий стал своего рода призмой рассмотрения Канта и кантианства в советской философии, место и успехи которой в этом отношении определялись степенью ограничивающего воздействия этого предзаданного угла зрения. Если, говоря грубо, взять соотношение идеологического негатива и научного позитива в советском кантоведении, то, на мой взгляд, общественно значимый сдвиг в сторону последнего произошел в 60–70-е гг. прошлого столетия. Показателем является празднование 250-летия со дня рождения философа и выпущенный к этой дате коллективный труд «Философия Канта и современность», само название которого уже говорило о масштабе рассматриваемого явления.

Тот юбилей 50 лет назад отмечался не столь торжественно и шумно, как нынешний, он не был событием общегосударственного уровня, но тем не менее стал таким философским делом, которое вышло за рамки профессионального сообщества и получило широкую известность. Он был отмечен всесоюзной конференцией в Калининграде, научными конференциями в Москве, Ленинграде, Киеве, Риге, Тбилиси, Минске, других городах, выходом нескольких книг, в том числе упомянутого выше обобщающего труда. Важны были, конечно, размах и количество юбилейных мероприятий, но еще важнее была объединяющая их тональность оценки достижений и заслуг философа. Разумеется, общий взгляд на самого Канта в своей исходной основе оставался тем же: на него смотрели как на перевернутую страницу истории философии, которая принадлежит ее домарксистскому донаучному этапу, но тем не менее, как утверждалось, в частности, в основных вводных статьях, его нельзя рассматривать только как родоначальника немецкой классической философии, значение которой исчерпывается итоговыми гегелевскими достижениями; его учения, рассмотренные с марксистской высоты и при условии именно такого рассмотрения, позволяют обнаружить в них новые скрытые возможности. Тот юбилей, конечно, тоже не свалился с неба; он был подготовлен предшествующим поколением советских философов, достаточно назвать изданное к тому времени и уже оказавшее свое стимулирующее влияние на осмысление творчества Канта и на всю философскую работу замечательное шеститомное (каждый том тиражом от 17 до 30 тысяч экземпляров) издание его сочинений. Более важно, однако, что он стал своеобразной вехой и открыл дорогу для более глубокого, смелого и разностороннего исследования наследия Канта. В этом плане было многое сделано и в остававшиеся годы развития отечественной философии в советском идеологическом формате, и в постсоветские годы существования современной России, охотно и жадно практикующей режим философского свободомыслия. Назову только самые очевидные и броские факты. Сложилось новое поколение отечественных кантоведов, произошло это, что немаловажно, под эгидой первого поколения марксистских историков домарксистской философии. Появилось уникальное двуязычное русско-немецкое издание сочинений Канта, работа над которым стала своего рода лабораторией более тщательной и углубленной работы с текстами, языком

и стилем философа. Калининградскому университету, переименованному в Балтийский федеральный университет, было присвоено имя Канта, и он совместными усилиями государственных органов и самих философов стал центром изучения и популяризации его имени и учений. Российские философы более органично вошли в круг мирового кантоведения, о чем, в частности, свидетельствует организованное профессором В.В. Васильевым уникальное издание 2004 г., собравшее 100 этюдов о Канте известных философов со всех континентов. Значительно обогатилась русскоязычная кантоведческая библиография.

Словом, в результате большой работы, проделанной за эти 50 лет, мы, философы России, и в целом наше общество подошли к 300-летию юбилею Канта с другим, более причастным взглядом на его творчество и личность. Он стал нам намного ближе, можно даже сказать: мы сроднились с ним. В качестве иллюстрации этого утверждения хотел бы привести некоторые штрихи, которые мне кажутся показательными. В упомянутых выше 100 этюдах на вопрос: «В чем, по-Вашему, состояла основная ошибка Канта?» – В.В. Биbihин, один из самых авторитетных русских философов последнего времени, ответил: «Я не вижу у него ошибок»⁴. Известный исследователь философии Канта, наш коллега Э.Ю. Соловьев, представляя текст своей статьи, посвященной одной из самых спорных и острых проблем кантовского наследия, а именно его отношению к секуляризации, счел нужным особо подчеркнуть: «В нем нет ни грана критики»⁵. Наконец, еще один факт, ставший событием в советских и ныне российских интеллектуальных кругах, – публичные лекции Мераба Константиновича Мамардашвили о Канте, прочитанные им в Москве в 1982 г. и изданные впоследствии в форме книги «Кантианские вариации»⁶.

Можно утверждать: Кант в нашем профессиональном и общественном сознании закрепился в качестве классика философии. Конечно, не единственного, но из первого ряда, ряда учителей. Рядом тех, кто полноправно участвует в наших размышлениях о философских вопросах. В этом смысле ответ на вопрос «Почему Кант?» вполне понятен и торжества в честь его 300-летия оправданны. Но исчерпывается ли этим общим позитивным настроением к его наследию сегодняшняя актуальность Канта и нет ли более конкретных вызовов, в ответе на которые он мог бы оказаться особенно ценным? Хочу обратить внимание на один такой вызов.

Современная философия, рассмотренная в целом, очевидным образом вышла за свои пределы, чем бы это ни было вызвано, и разделилась на части, которые существуют в качестве профессионально обособляющихся самостоятельных наук. Когда я поступил на философский факультет в середине 50-х гг. прошлого века, на нем было пять кафедр, сейчас их шестнадцать и еще три прикладных направления со своими программами; в Институте философии АН СССР тогда было пять-шесть научных секторов, сейчас их двадцать семь. Если судить по программам Всемирных философских конгрессов, такая дифференциация и дробление специальностей в рамках философских знаний свойственно не только нашей стране. Дело не в самой

⁴ 100 этюдов о Канте. М., 2005. С. 128.

⁵ См.: Соловьев Э.Ю. И. Кант: этический ответ на вызов эпохи секуляризации // Историко-философский ежегодник. 2005. Т. 19. С. 209–226.

⁶ См.: Мамардашвили М. Кантианские вариации. М., 2002.

дифференциации знания и возникновении новых философских наук – это процесс неизбежный и плодотворный, – а в том, что при этом теряется цельность философии, исчезает различие между философией в собственном и строгом смысле, которую Аристотель гениально назвал первой философией и которая впоследствии получила название метафизики, и философией применительно к отдельным областям знания. Логика давно обособилась и стала малопонятной для других философских дисциплин. Сегодня уже специалисты прочих философских наук (этики, эстетики, философы религии и др.) замкнуты на самих себя, практически так же далеки друг от друга, как каждый из них далек от социологии, археологии, не говоря уже о физике и других точных науках. Не хочется прибегать к опошленному сравнению философии с судьбой короля Лира, но, может, уместно подчеркнуть, что трагедия последнего заключалась не в том, что он оказался слишком щедрым, а его дочери – неблагодарными, а в том, что он решил разделить то, чего нельзя было сделать без того, чтобы не уничтожился сам предмет. Острейшим для нашей философии сегодня является вопрос о ее целостном внутреннем строении. Его, на мой взгляд, было бы вполне правомерно поставить в ходе изучения наследия Канта.

Коперниканский переворот Канта не только кардинально изменил ход развития философии, дав ей новое направление. Еще важнее, что это позволило ему собрать в единую конструкцию всю разрозненную проблематику и враждующие течения, вернуться к древней традиции, которая выделяла в философии три части (границы, уровни): логику, физику, этику. Такое деление Кант считал для философии базовым и окончательным, соответствующим существу дела, являющимся предметно-образующим. Обсуждению, по его мнению, подлежит только его принцип, который состоит в том, что логика дает общие и необходимые формы мысли, физика является результатом их приложения к области необходимости, а этика – к области свободы. Философская система Канта с его субъективным двухуровневым комплексом априорных рассудочных понятий и чувственных представлений живого опыта, находящихся в сложных, также двухуровневых отношениях с внешним объективным миром, является, конечно, более хрупкой и изощренной, чем философские образы мира, которыми заполнен интеллектуально-духовный мейнстрим до и после него, но она несомненно более синтетична, объемна, чем они, я бы даже сказал, что она более, чем они, бережна и честна по отношению к реальной жизни человеческого разума. Многие идеи и учения Канта получили отклик и продолжение, остаются предметом заинтересованного внимания и даже знаком своего рода философского аристократизма, но это меньше всего относится к самой его целостной конструкции в ее системной полноте (отсюда – и разные школы неокантианства).

Это замечание можно отнести и к русской рецепции Канта, которая в целом характеризуется сильно выраженным этическим креном. Ее пример показателен для понимания того, что отдельные учения Канта можно адекватно понять только в контексте всей его философской системы. Сейчас не буду рассматривать этот большой самостоятельный вопрос. Отмечу только один момент. Сам факт того, что Кант в России воспринимается прежде всего именно благодаря своему учению о долге, не вызывает сомнения. Категорический императив, «звездное небо над нами и нравственный закон во мне» вошли в общепринятый набор знаний образованного русского человека. Можно сказать, что Кант так воспринимается во всем мире. Это верно.

Но в нашем случае есть нечто специфическое. Такое восприятие резонирует с общей моральной направленностью, свойственной русской культуре в целом и русской философии в особенности. Что касается русской философии, то она, при всей несомненной моральной окрашенности («оправдание добра», «слезинка ребенка», «непротивление злу»), не выработала некоей итоговой, общепризнанной этической формулы в виде основополагающего философского принципа, и в этом смысле нравственный закон Канта может быть ей особенно близок и восприниматься как продолжение моральной доминанты своего собственного мировоззрения. В этом не было бы ничего плохого, если бы это не сопровождалось односторонностью в восприятии философии Канта и роли разума в реальном процессе сознательной человеческой жизнедеятельности.

Абсолютная этика Канта столь органично вписана в систему критики чистого разума, что можно подумать, будто последняя и разработана специально для того, чтобы подвести под нее необходимую философскую базу. Этика Канта связана с его гносеологией (теорией познания). Нравственный закон нельзя, конечно, считать полноценным заключительным выводом из исследования спекулятивного разума, его необходимым следствием, но он оказался его итогом, последней обязывающей точкой. Чистый разум, до которого нельзя дойти в качестве заключения логического умозаключения («Всякое синтетическое познание чистого разума в его спекулятивном употреблении... совершенно невозможно»⁷), непонятным образом обнаруживается как непосредственный факт в случае его практического применения. Именно таким необъяснимым фактом разума и является сформулированный Кантом нравственный закон. Это – не другой разум, а тот же самый всеобщий, необходимый, но теперь уже еще и абсолютный чистый разум, до которого доискивался и к которому шел теоретический разум, но не нашел и не дошел, запутавшись окончательно в возникших на пути антиномиях. Вторая кантовская критика названа критикой просто практического разума, но это сделано для краткости, в своем развернутом точном значении она является критикой чистого практического разума. И сам Кант в тексте по преимуществу пользуется именно этим полным обозначением. Эта связь двух критик, понимание второй как прямого продолжения и завершения первой, слабо акцентируется в общих отечественных очерках философии Канта и практически исчезает в специальных очерках его этики. Оторванный от гносеологического базиса, нравственный закон повисает в воздухе: с одной стороны, теряется связь с ноуменальным миром свободы как его основанием, а с другой стороны, блокируются каналы, соединяющие добрую волю с практической волей эмпирических индивидов. Тем самым идея примата практического разума, составляющая внутренний нерв философии Канта, лишается реального содержания, а этика неизбежно обрекается на морализирование, которое самому Канту, по сути, совершенно чуждо. Разумеется, вернуть этике Канта ее аутентичное место и размерность – задача совсем не простая, для этого надо как минимум преодолеть предрассудок в отношении идеи вещи в себе, а также найти проходы, спрятанные самим Кантом «среди безмерного множества схоластических и ни к чему не нужных дистинкций и терминов»⁸.

⁷ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. II: Критика чистого разума. Ч. 1. М., 2006. С. 1001.

⁸ Соловьев В.С. Кант. С. 472.

Кант: свет и тени

Что касается света, то здесь все ясно: это сам Кант как человек и его философия. А тени – их отраженные силуэты, такие, как видим их мы, отдаленные от них на столетия. Рассматривая тени, мы ищем такую «полдневную» точку обзора, с которой можно точнее всего рассмотреть их уже недоступные оригиналы. У Канта есть замечательно короткий и цельный взгляд на философию и ее основные вехи до него. Из него видно, что он не собирался перестраивать существовавшее до него здание философии, а только разобраться в его внутреннем устройении и в случае необходимости внести свои улучшения. Он не собирался сворачивать с основной магистрали, по которой шли все философские предшественники. Для него, как и для них, философия есть путь к мудрости. Собственный же предмет философии (сам путь) – это разум, его возможности найти точное (истинное, не выдуманное, не-мифологическое) знание, направляющее людей к желанным представлениям о себе и мире.

Философия (это ее первая античная стадия) начала с убеждения, что подлинное знание заключено в самом мире, и создала его захватывающий вид, а закончила астрологией. На следующей стадии она, став христианской, заглянула в бездну самой человеческой души, но закончила «мечтательностью и суеверием»⁹. И, наконец, она пришла к осознанию, что тайна знания заключена в самом разуме и что именно «наука (критически испытываемая и методически приуроченная) – это узкие врата, которые ведут к учению мудрости»¹⁰. Оказавшись на этой новой (теперь уже третьей) ступени, Кант приступил к строительству своего дворца критической философии. При реконструировании его внутреннего строения возникает ряд непроясненных вопросов. На один из них, отнеся его к области тени, мне и хочется указать. Прежде замечу: сама эта трехзвенная схема для Канта является не побочным замечанием, а продуманным итоговым обобщением места своей системы в развитии философской мысли. Она изложена в заключении «Критики практического разума» в продолжение уже упомянутого сравнения нравственного закона внутри человека со звездным небом над головой и в подтверждение того, что первое настолько же духовно возвышает человека, насколько второе свидетельствует о ничтожности его бренного существования.

Если дело философии (ее предмет, задача, миссия) состоит в том, чтобы найти разумный путь к мудрости, и она не смогла найти его ни в окружающем мире, ни в собственных недрах живой человеческой души, то не логично ли предположить, что он, этот путь философского разума, заключен в самом разуме?! Отсюда – идея априорности разума и весь проект критики чистого разума, включая понятие трансцендентального субъекта, без которого было бы невозможно единство сознания и само познание в качестве всеобщего и объективного процесса. За разумом, как говорит Кант, не надо ходить далеко, его мы, люди в целом и каждый человек в отдельности, находим в самих себе. Каждый разумный индивид реализует свою разумность, будучи трансцендентальным субъектом. Поскольку он разумен, он мыслит

⁹ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. III: Критика практического разума. М., 1997. С. 731.

¹⁰ Там же. С. 733.

в качестве трансцендентального субъекта. Но человек – не просто разумное существо, он является живым разумным существом, и в качестве живого (чувствующего) существа он также является субъектом, но теперь уже другим, вполне эмпирическим, индивидуальным, со своим собственным уникальным, даже единственным, чувственным опытом. Как эти два субъекта, оставаясь принципиально разными, соединяются друг с другом (должны соединиться!), чтобы мог состояться реальный процесс познания и заработать живой опыт человеческой мысли и действия, – этот вопрос остается непроясненным до сегодняшнего дня, хотя над ним много трудился сам Кант и трудятся его исследователи. К примеру, в соответствии с внутренней логикой кантовской системы человеку только в качестве трансцендентального субъекта свойственно быть носителем доброй воли, а тем самым и субъектом практического разума, но ни один живой индивид не может следовать только доброй воле, он также движим вполне внешними (гетерономными) основаниями. Нет устоявшегося понимания, как добрая воля, приобретающая форму долга (категорического императива), соединяется с прочими мотивами эмпирических субъектов и приобретает свою ответственность в реальном опыте, будь то опыт научной деятельности или морального поведения.

Может, и в самом деле нам следует более внимательно прислушаться к замечанию Канта, что он намеренно ограничил возможности разума, а тем самым и опасности, которые могут исходить от философии? Может, он то и хотел сказать, что путь к мудрости – это еще не сама мудрость, что это только путь к ней, к мудрости надо идти по земле, пробираться своими ногами, к ней не перелетишь на крыльях грез и мечтаний.

Список литературы

- 100 этюдов о Канте / Общ. ред. В.В. Васильева. М.: КДУ, 2005.
- Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. II: Критика чистого разума. Ч. 1 / Под ред. Б. Тушлинга и Н.В. Мотрошиловой. М.: Наука, 2006.
- Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. III: Критика практического разума / Под ред. Б. Тушлинга и Н.В. Мотрошиловой. М.: Ками, 1997.
- Мамардашвили М. Кантианские вариации. М.: Аграф, 2002.
- Соловьев В.С. Кант // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 441–479.
- Соловьев Э.Ю. И. Кант: этический ответ на вызов эпохи секуляризации // Историко-философский ежегодник. 2005. Т. 19. С. 209–226.
- Спиноза Б. Избранные произведения. Т. II / Общ. ред. и вступ. статья В.В. Соколова. М.: Госполитиздат, 1957.
- Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 64. М.: ГИХЛ, 1953.

Kant forever

Abdusalam A. Guseynov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: guseynovck@mail.ru

The article is a presentation in the framework of a panel discussion on the modern meaning of Kant's philosophy, where two issues were discussed: "Why Kant?" and "Kant: Light and Shadows". It briefly describes the origin and general idea of this discussion.

As shown by the celebration of Kant's 300th anniversary, as well as the final conference held by the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences and four philosophical faculties (institutes) of Moscow universities, Kant in our country is perceived by specialists and society as a whole as an undoubted authority and classic of philosophy. He entered our culture as a thinker who teaches us to obey reason and follow the free voice of our own liberated conscience, which has become the result of a long-term work on the reception of the philosopher's legacy, particularly intensive over the past fifty years. This work has reached a new quality, but has not been completed, and Kant remains the subject of lively modern discussions. It is stressed that our perception of Kant is marked by a strong ethical bias, expressed not in the fact that his moral teaching is exaggerated, but in the fact that it is torn out of his entire philosophical system. Emphasizing the systemic integrity of Kant's philosophy is one of the urgent challenges that go beyond the narrow scope of Kantian studies. Modern philosophy, considered as a whole, has been divided into parts that exist as professionally splitting independent sciences. The second Kantian critique, in its detailed and precise meaning, is a critique of pure practical reason. And Kant himself primarily uses this full designation in the text. This connection between the two critiques, the understanding of the second as a direct continuation and conclusion of the first, is poorly emphasized in general studies of Kant's philosophy in Russia and practically disappears in special studies of his ethics. Being separated from the epistemological basis, the moral law hangs in the air: on the one hand, the connection with the noumenal world of freedom as its foundation is lost, and on the other hand, the channels connecting goodwill with the practical will of empirical individuals are blocked. Thus, the idea of the primacy of practical reason, which forms the inner nerve of Kant's philosophy, is deprived of real content, and ethics is inevitably doomed to moralizing, which is, in fact, completely alien to Kant himself. In answering the second question of the discussion, attention is drawn to the need for further research on how the concepts of the transcendental subject and empirical subjects relate to the living experience of cognition and human behavior.

Keywords: Kant, Kantian studies, the subject of philosophy, ethics and theory of knowledge

For citation: Guseynov, A.A. "Kant navsegda" [Kant forever], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2025, Vol. 18, No. 2, pp. 5–14. (In Russian)

References

- Kant, I. *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh, T. II: Kritika chistogo razuma, Ch. 1* [Works in German and Russian, Vol. II: Critique of Pure Reason, Pt. 1], ed. by B. Tuschling and N.V. Motroshilova. Moscow: Nauka Publ., 2006. (In German and Russian)
- Kant, I. *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh, T. III: Kritika prakticheskogo razuma* [Works in German and Russian, Vol. III: Critique of Practical Reason], ed. by B. Tuschling and N.V. Motroshilova. Moscow: Kami Publ., 1997. (In German and Russian)
- Mamardashvili, M. *Kantianskie variatsii* [Kantian Variations]. Moscow: Agraf Publ., 2002. (In Russian)
- Solov'ev, E.Yu. "I. Kant: eticheskii otvet na vyzov epokhi sekulyarizatsii" [I. Kant: An Ethical Response to the Challenge of the Secularization Era], *Istoriko-filosofskii ezhegodnik*, 2005, Vol. 19, pp. 209–226. (In Russian)
- Solov'ev, V.S. "Kant", in: V.S. Solov'ev, *Sochineniya* [Works], Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1988, pp. 441–479. (In Russian)
- Spinoza, B. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Vol. II, ed. by V.V. Sokolov. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1957. (In Russian)
- Tolstoi, L.N. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], Vol. 64. Moscow: GIKhL Publ., 1953. (In Russian)
- Vasiliev, V.V. (ed.) *100 etyudov o Kante* [100 Essays on Kant]. Moscow: KDU Publ., 2005. (In Russian)